

УДК 94(571.1/.5)1905/1907

В.В. Шевцов

ВОПРОС О САМОУПРАВЛЕНИИ СИБИРИ В ПЕРИОД РЕВОЛЮЦИИ 1905–1907 гг.

Рассмотрено основное содержание и особенности проектов самоуправления Сибири, разработанных сибирской интеллигенцией и опубликованных в журнале «Сибирские вопросы» для объединения деятельности депутатов-сибиряков в Государственной думе. На примере «Томских губернских ведомостей» показаны попытки официальных властей обеспечить выборы в Думу политически лояльных депутатов от Сибири.

Ключевые слова: *областничество, земское самоуправление, «Сибирские вопросы», «Томские губернские ведомости».*

В начале XX в. вопрос о положении Сибири в составе России вновь актуализировался в общественной жизни региона. Перемены в политическом строе позволяли сибирской общественности не только открыто разрабатывать и обсуждать вопрос о настоящем и желаемом будущем Сибири, но и перевести его в практическое русло. На рубеже веков правительство провело в Сибири судебную реформу (1897 г.) и отменило уголовную ссылку (1900 г.), введение же земского самоуправления, с которым местная интеллигенция связывала получение доступа к системе управления регионом и отстаивания его экономических, культурных и иных интересов, затыгивалось центральной властью. Только в 1905 г., в связи с нарастанием революционных выступлений, самодержавие пообещало распространить на свою восточную окраину земское положение 1864 г.

Инициативу в подготовке вопроса о сибирском самоуправлении взяли в свои руки сами сибиряки. В 1905 г. иркутским предпринимателем В.П. Сукачевым (возглавлявшим в 1885–1897 гг. иркутскую городскую думу) и историком П.М. Головачевым был основан журнал «Сибирские вопросы». Само название подразумевало, что Сибирь есть самостоятельная область, имеющая собственные интересы и проблемы, а далекое место «прописки» издания – Санкт-Петербург – делало редакторов и авторов недостижимыми для местной администрации. В «Сибирских вопросах» вышел ряд статей под общим заголовком «Какое земство ожидается Сибирью?», где рассматривались определения «земства», «предметы его ведения» и «степень власти земских учреждений» [1. 1905. № 22. С. 7]. В «Сибирских вопросах» также был опубликован «Проект основных начал положения о земских учреждениях в Сибири», разработанный в Томске областниками во главе с Г.Н. Потаниным и членами юридического общества при Томском университете (в него входили П.В. Вологодский,

М.Н. Вознесенский, А.Н. Гаттенберг, А.В. Витте, И.А. Малиновский, М.Н. Соболев и другие). Согласно проекту, волостные, уездные и губернские собрания должна была объединять областная сибирская дума как высший земский орган, включавший в себя представителей Тобольской, Томской, Енисейской, Иркутской губерний, Якутской и Забайкальской областей, Степного и Приамурского генерал-губернаторств. Областное земство наделялось широкими полномочиями – распоряжение всеми землями региона, управление путями сообщений, общественная безопасность, издание обязательных для местных жителей постановлений. Руководящими органами самоуправления должны были стать земские собрания, управы и комиссии [1. 1905. № 22. С. 34]. Для достижения введения в Сибири автономного представительного органа был создан «Сибирский областной союз» и утверждена его программа.

Манифест 17 октября 1905 г. привел к формированию в России политических партий и политическому размежеванию сторонников сибирской автономии. Хотя сам Г.Н. Потанин определял себя как «беспартийного», а областничество как «надпартийное» движение, интересы населения Сибири как козырь в борьбе за избирателя и тема для обсуждения в предстоящем народном представительстве вошли в программные документы местных отделений партии кадетов и социалистов-революционеров. По замечанию Н.В. Блинова, «глубина оппозиционных настроений в Сибири, по-видимому, питалась не столько местным патриотизмом, сколько отторжением самодержавной политической системы» [2. С. 14]. В составе I Государственной думы от Сибири находилось 16 депутатов (1 октябрист, 1 представитель партии демократических реформ, 10 кадетов, 3 трудовика, 1 социал-демократ) [1. 1906. № 4–6. С. 44–46]. Во II Думе Сибирь представляло 20 человек (2 эсера, 3 народных социалиста, 3 социал-демократа, 3

трудолика, 4 кадета, 1 представитель партии демократических реформ, 4 беспартийных) [1. 1907. № 7. С. 15].

Неофициальным органом кадетской организации в Томске стала либеральная газета «Сибирская жизнь», редактором которой с ноября 1905 г. по сентябрь 1910 г. были профессора Томского университета И.А. Малиновский и М.Н. Соболев [3. С. 311]. Официально партийным печатным органом томские кадеты объявили еженедельную газету «Народные нужды», издававшуюся как приложение к «Сибирской жизни» с 1906 г. «Сибирские вопросы», поддерживая партию «народной свободы», оперативно получали и комментировали информацию о думских заседаниях, беря на себя функцию объединения сибирских депутатов. В № 1 за 1906 г. была опубликована статья П.М. Головачева «Сибирские вопросы в Государственной думе», в которой указывалось, что «первой работой сибирских представителей в Государственной думе, нужно, кажется признать прорыв тех плотин, которые до сих пор останавливали течение сибирской жизни, очистку её русла от загромождения камнями в виде правил и циркуляров бюрократического петербургского правительства» [1. 1906. № 1. С. 4]. За основу будущей «местной конституции» предлагалось взять томский «Проект основных начал положения о земских учреждениях в Сибири», который должен был быть разослан во все местности для обсуждения и внесения дополнений [1. 1906. № 1. С. 10–11].

В воззваниях к избирателям и в освещении предвыборных собраний в Томской губернии «Сибирские вопросы» связывали защиту интересов Сибири, уравнивание ее социально-экономического положения с центральными губерниями, с деятельностью в Думе партии кадетов, чьи идеи, даже напрямую не относящиеся к Сибири, безоговорочно поддерживались крестьянами-выборщиками (включая идею «ответственного министерства») [1. 1906. № 1. С. 98]. Их речи пересказывались в соответствии с жанром либерального дискурса (например, «...крестьяне соглашались с тем, что Государственный совет – совсем ненужное учреждение, тормозящее государственную жизнь; что создание его, как верхней палаты, для задержания преобразовательной работы Государственной думы есть коварное измышление бюрократии, противоречащее духу манифеста 17 октября» [1. 1906. № 1. С. 101]). В этом же общении политически подкованные, но другими кузнецами, представители крестьянства определялись как «темные» в случае голосования за «Союз 17 октября».

Местная администрация изображалась как реакционная сила, тормозящая прогрессивное развитие Сибири. При этом ее деятельность не выделялась и не противопоставлялась в сравнении с прогрессивными центральными властями (как это делалось в печати конца 50–60-х гг. XIX в. – начале эпохи «великих реформ»), а описывалась в общем ряду «коварных измышлений бюрократии», действий «врагов конституции» и «деморализованных представителей власти на всех ее ступенях». Само центральное (или «петербургское», как его окрестила сибирская оппозиция) правительство называлось основным виновником всех отрицательных сторон сибирской действительности и главным препятствием на пути развития сибирского общества. Степени свободы слова, которой пользовались «Сибирские вопросы» (при этом жалуясь на цензурный произвол царского режима), могли бы позавидовать современные газеты. Например, привлечение административного ресурса при выборах в IV Государственную думу от Томской губернии в 1912 г. описывалось следующим образом: «Попы с архиепископом Макарием во главе, профессора с попечителем Лаврентьевым, чиновники с губернатором Граном, именитое купечество с Некрасовым сплелись в один клубок “Союза русского народа” и развели такую предвыборную слякоть, что смрад на всю губернию пошел. Это сплетение самых видных и влиятельных представителей власти из различных ведомств с представителями капитала обеспечивало такую широкую свободу действий, о какой противникам нельзя было и мечтать. Администрация не стеснялась никакими “разъяснениями”, никакими мероприятиями, а капитал не стеснялся средствами для обеспечения успеха своей агитации» [1. 1912. № 26. С. 37–41].

Функции монархических проправительственных газет в Сибири, наравне с появившимися правыми черносотенными изданиями, взяли на себя губернские ведомости. Так, в Томской губернии, неофициальная часть «Томских губернских ведомостей» с конца 1905 г. стала издаваться по расширенной программе и вестись новым редактором П.Т. Виноградовым, исполнявшим также обязанности губернского цензора (до своего назначения в Томск он занимал аналогичную должность в Саратовской губернии, губернатором которой был П.А. Столыпин). «Разные вопросы жизни и особенно Томского края будут освещаться и обсуждаться правдиво и беспристрастно... Читатели неофициального отдела, особенно крестьяне, найдут много полезных сведений и могут знать о том, что делается на белом свете» [4. 1905. № 43. С. 3]. Пе-

репечатки в газете намного превышали авторские материалы, однако это убыстряло процесс подготовки и цензурирования номера и расширяло панораму освещаемых событий, в соответствии с «видами» и «взглядами» правительства. Кроме того, так подчеркивалась общность России и Сибири как ее неразрывной части («Из нашей газеты вы будете узнавать о нуждах и вопросах, волнующих других деревенских жителей, а также узнаете, как велики и разнообразны нужды всей нашей родины – России, и что в ней делается» [4. 1905. № 45. С. 3]).

В официальных губернских ведомостях нужды Сибири не акцентировались отдельно, а связывались с произошедшими политическими изменениями во всей стране как инициативы самой самодержавной власти: «Государь преисполнен забот об улучшении стесненного положения [крестьян], вопрос об этом уже рассматривается, а когда соберется Государственная Дума – он будет предметом ее обсуждения» [4. 1906. № 10. С. 3]; «Мы подаем свой народный, крестьянский голос за русскую народную веру, русского самодержавного Царя, за предпочтительное право русской народности и за такое устройство Государственной Думы, при котором не будет поколеблено самодержавное право Царя» [4. 1906. № 12. С. 3]. В этом случае применялось подражание народному стилю речи: «17 октября 1905 г. вышел царский манифест; в нем про разные свободы писано, про Думу Государственную, а, верно все же многие не знают, что в нем говорится» [4. 1906. № 43. С. 3]; «Такие люди – мы, мужички. Мы лучше всякого знаем вою жизнь, мы пьем ее горе, дышим ее радостью» [4. 1906. № 21. С. 4].

Топонимические идентификаторы в томской официальной газете имели единичное употребление. Термин «томичи» за период конца 1905–07 гг. встречался только в связи с черносотенным погромом 20–21 октября 1905 г. («Кровавые дни надолго останутся в памяти томичей...» [4. 1905. № 43. С. 4], и упоминание о «беспристрастном письме Томича», очевидца этих событий [4. 1906. № 62. С. 4]). Этнотопоним «сибиряки» также употреблялся лишь дважды и в «благонамеренном» смысле. Прибывший в Томск в начале 1906 г. новый губернатор К.С. Нолькен заявил, что основная задача текущего момента в опоре на «коренных сибиряков» избрать «лучших людей» в Государственную Думу [4. 1906. № 3. С. 3]. В другом случае приводился приговор крестьян Судженской волости Томской губернии: «Потом мы не понимаем криков в думе: “земли и воли”, ну, земля-то нам нужна, а что такое “воля”, о которой

для народа хлопчат, мы, сибиряки, не понимаем. Неужели это значит не уважать чужую собственность?» [4. 1906. № 49. С. 4].

В освещении деятельности российского парламента «Томские губернские ведомости» прошли два круга, в соответствии с двумя предвыборными кампаниями. В отношении Первой Государственной думы создавался ее положительный образ как учреждения, способного вывести страну из революционного кризиса. Результаты выборов определили смещение акцентов в отрицательную сторону и предопределили настороженное и критическое отношение к парламенту второго созыва, что выразилось и количественно – в сокращении числа публикаций о созыве и деятельности Государственной Думы во второй половине 1906 г. вдвое, против первой половины 1906 г. (с 7,4 до 3,5 %). С сентября 1906 г. руководство «Томскими губернскими ведомостями» перешло в руки чиновников местной администрации (И.Е. Бицюка, А.В. Дурова, затем вице-губернатора В.Э. Мейера), которые придали газете откровенно черносотенный характер. Период существования II Государственной Думы – пик публикаций о ее деятельности (34,2 %), при этом ни одна из них не характеризовала ее положительно. Наконец, во второй половине 1907 г., с роспуском оппозиционного парламента, полемические статьи о партиях и депутатах (14,1 %) уступили место повседневным событиям городской и губернской жизни, другим политически нейтральным сюжетам (42,4 %).

Несмотря на зажиточность сибирского крестьянства, отсутствие среди него малоземелья, неприятие идеи республиканской формы правления [1. 1907. № 15. С. 5], результаты официальной пропаганды и контрпропаганды в обеспечении политической лояльности депутатов от Сибири были незначительны. Так, из пяти депутатов-крестьян в I Думу по Томской губернии, о которых ведомости сообщали, что они «не принадлежат и не принадлежали ни к какой партии», «искренне преданны своему царю» [4. 1906. № 40. С. 3], четверо поддержали конституционных демократов и только один – «Союз 17 октября» [5. 1907. № 19. С. 4]. Депутаты от Томской губернии в последующие составы парламента (6 – во II, 4 – в III и IV Думы) также представляли кадетскую партию или придерживались еще более левых взглядов. «Союз русского народа», несмотря на поддержку властей и агрессивную политическую рекламу, потерпел полный провал. «Обыватель Сибири – в душе протестант против правительства, – уверенно писали «Сибирские вопросы», – несмотря на всю свою индифферентность к поли-

тике, он не выберет своим другом, выразителем своих заветных дум и желаний, “истинно русско-го” человека» [1. 1907. № 1. С. 82].

В Первой Думе депутаты-сибиряки успели до ее роспуска подписать заявление об увеличении состава аграрной комиссии представителями от Сибири. Во II Думе они объединились в «Сибирскую парламентскую группу», которая носила оппозиционный правительству характер. Доля крестьян в ней от выборов к выборам сокращалась, а доля интеллигенции и предпринимателей увеличивалась [6]. После выборов в III Думу, когда представительство от Сибири было сокращено почти вдвое, депутат I и II Думы от Сибирского казачьего войска, один из инициаторов создания «Сибирской парламентской группы» И.П. Лаптев напутствовал новых избранников, что «в Думе они должны быть представителями не своей лишь губернии, а всей Сибири, всей её области, должны добиваться восстановления её погранных избирательных прав» [1. 1908. № 1. С. 35–36]. Для защиты интересов Сибири и выработки требований к правительству в столице в 1908 г. было организовано «Общество изучения Сибири и улучшения ее быта», отделы которого появились в 16 сибирских городах [7. С. 242–249].

В вопросе о самоуправлении выдвигалось требование о создании единой общесибирской областной или ряда областных дум, с законодательными полномочиями, «ибо центральная Дума, как показал опыт, не имеет ни времени, ни возможности заняться сибирскими нуждами, для этой окраины неотложными, ввиду множества своих собственных российских назревших вопросов, подлежащих немедленному рассмотрению и разрешению» [1. 1907. № 16. С. 35]. После окончания революции рамки самоуправления вновь сузились до распространения на сибирские губернии института земства. В III Думе был разработан соответствующий законопроект, одобренный в 1912 г. нижней палатой, но отклоненный Государственным Советом [8. С. 74].

В связи с интенсификацией переселенческой политики этот вопрос стал вторым по важности, после вопроса о самоуправлении. В Думе и на страницах периодических изданий развивалась мысль о несоответствии действительности представлений об огромных и нетронутых земельных богатствах Сибири. Для защиты от «уплотнения» старожилов и коренных народов пришлыми новоселами из России предлагалось приостановить переселение крестьян в Сибирь до окончания землеустроительных работ и передать отвод переселенческих участков из рук чиновников (т.е. по сути

центрального правительства) в ведение создаваемых местных учреждений самоуправления.

После Февральской революции в мае 1917 г. Томское губернское народное собрание приняло резолюцию «По областному самоуправлению», в которой говорилось об автономии Сибири. Подобные шаги были предприняты в Иркутске, Омске и других сибирских городах. В июне 1917 г. народное собрание приняло решение о превращении Сибири в автономное государство, о создании соединённых штатов Сибири, где верховная власть принадлежала бы Сибирской Думе и имелось бы своё бело-зелёное знамя. В июне 1917 г. Временное правительство приняло «Положение о введении земства в Сибири», но оно уже не имело значения. С 6 по 17 октября 1917 г. в Томске состоялся Сибирский областной съезд. Он избрал Сибирский областной совет во главе с Г.Н. Потаниным, но тот из-за преклонного возраста и несогласия с тактикой совета, по отношению к большевикам, подал в отставку с поста его председателя [9. С. 79–80; 10. С. 268]. Временное сибирское правительство 4 июля 1918 г. в Омске приняло декларацию о государственной самостоятельности Сибири, однако уже 3 ноября «Декларация» была отменена и Сибирская областная дума приняла решение о самороспуске, поддержав режим А.В. Колчака [11. С. 15–16].

Таким образом, создание и деятельность Государственной думы породили в среде сибирской интеллигенции не только надежду, но и твердую уверенность на претворение в жизнь основных задач, стоящих перед Сибирью, причем по инициативе ее собственных избранных представителей. В целом, претендуя на положение надклассовой силы, сибирское областничество, выдвигая требование об автономии Сибири, отражало интересы общероссийских партий – конституционных демократов и социалистов-революционеров, но в стенах парламента задачи партийных программ уступили место сибирскому регионализму. «Сибиряки, с их ясным, практическим складом ума, с их преобладающим здравым смыслом, ждут от своих представителей именно актов, так сказать, реальной местной политики. Это должно стоять на первом плане, и тогда только население многочисленных медвежьих углов необъятной Сибири почувствует и поймет, что и для него начинается “заря новых дней” и что Государственная Дума – действительно реальная и могучая сила, являющаяся на смену старого правительства, от которой Сибирь видела столько зла» [1. 1906. № 1. С. 12].

В условиях уступок самодержавной власти революционному движению вопрос о предоставле-

нии Сибири местного самоуправления с широким кругом полномочий казался уже бесповоротно решенным. Речь могла идти теперь лишь о выработке тех форм, в которых оно будет реализовано, форм, намного превосходящих земские положения 1864 и 1890-х гг. Однако ни общесибирская, ни региональные думы не были созданы, даже Положение о земских учреждениях в Сибири не было утверждено. Первая серьезная попытка разграничения полномочий между центром и Сибирью в виде «местной конституции» провалилась. Ярким примером конфронтации центр – окраина стал переселенческий вопрос. Хотя сибирская общественность не располагала реальными силами, чтобы саботировать процесс покушения на земли в Сибири, сама попытка пойти против линии общероссийского правительства вызывала опасения у «петербургских бюрократов». Окрепшая самодержавная власть смогла удержать ускользающие от нее полномочия, вплоть до 1917 г. Сибирь продолжала оставаться пассивным объектом управления из центра и назначаемой администрацией.

Октябрьская революция и переход власти к большевикам прервали эволюционное развитие российской государственности. Последовавшие вслед за этим хаос и Гражданская война вызвали небывалую поляризацию российского общества, поставили сторонников региональной автономии Сибири перед дилеммой: либо поддержать Сибирское Временное правительство А.В. Колчака, которое в области государственного устройства придерживалось идеи единой и неделимой России,

либо – большевиков. Из двух зол было выбрано меньшее. Большинство сибирских автономистов поддержали белогвардейское правительство в Омске. Областничество как движение сибирских патриотов прекратило своё существование.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Сибирские вопросы*: Периодический сборник. СПб., 1905–1913.
2. *Блинов Н.В.* К общественному движению в Сибири // Материалы к хронике общественного движения в Сибири в 1895–1917 гг. Томск, 1995. Вып. 2.
3. *Косых Е.Н.* Сибирская жизнь // Томск от А до Я: Краткая энциклопедия города. Томск, 2004.
4. *Томские губернские ведомости*. Томск, 1857–1917.
5. *Сибирская жизнь*. Газета политическая, литературная и экономическая. Томск, 1894–1919.
6. *Барсуков В.Л.* Сибирские депутаты Государственной думы о месте Сибири в Российском государстве // Из прошлого Сибири: Межвузовский сборник научных трудов. Новосибирск, 1996. Вып. 2, ч. 2.
7. *Шиловский М.В.* «Общество изучения Сибири и улучшения ее быта. 1908–1917 гг. // Проблемы социально-экономического и культурного развития Сибири XVII–XX вв. Новосибирск, 2005.
8. *Шиловский М.В.* Сибирская парламентская группа // Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск, 2009. Т. 3.
9. *Шиловский М.В.* Сибирские областные съезды // Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск, 2009. Т. 3.
10. *Дмитриенко Н.М.* Потанин Григорий Николаевич // Томск от А до Я: Краткая энциклопедия города. Томск, 2004.
11. *Шиловский М.В.* Хроника областнического движения в Сибири (1852–1919) // Материалы к хронике общественного движения в Сибири в 1895 – 1917 гг. Томск, 1994. Вып. 1.